

18+

Ирина Брилли

Старушка
под
жасмином

Ирина Бриль

Старушка под жасмином

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238424

ISBN 9785449307972

Аннотация

Все рассказы в этом сборнике написаны в разное давнее время, но их персонажи – всегда сегодняшние «обычные» люди, которые не заметны в толпе, о которых не говорят и не пишут на «первых полосах». Они живут за стенами наших домов, проходят мимо нас на улицах, едут вместе с нами в трамваях и автобусах. И даже не думают, что завтра или уже сейчас могут попасть в необыкновенные, порой странные, обстоятельства, которые вдруг предложит им жизнь.

Содержание

Сон Джойса	5
Во гробе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Старушка под жасмином

Ирина Бриль

Ирина Ракитина *Фотограф*

© Ирина Бриль, 2018

© Ирина Ракитина, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-0797-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сон Джойса

День начинался хорошо: всюду грело солнце, ветерок слегка раскачивал желтеющие листья деревьев, унося их к земле; маляр, зависший этажом ниже в своей люльке, не торопясь, красил стену, то мыча себе под нос какую-то мелодию, то её же насвистывая, а иногда и напевая.

Люба Александровна, добродушно улыбаясь и радуясь всему, на что только падал её взгляд, стояла у раскрытого окна. Иногда из её груди вылетали какие-то неформившиеся звуки. Она пыталась соединить их с песней маляра, но звуки эти не совпадали и, сталкиваясь с малярскими, трогали не душу, но нервы своим какофоническим эффектом.

Люба А. часто исчезала в окне, потом появлялась снова – она пекла блины.

В её пухлых ручках была детская лейка – розовый слоник с дырками на кончике хобота. Слоник улыбался, как и его хозяйка, потому что работа у них была приятная – поливание цветов, растущих в пластмассовых ящиках за окном. Поставив лейку, Люба А. подбегала к плите, переворачивала блины на двух сковородках и быстро возвращалась к окну. Поливали они со слоником аккуратно, стараясь и капли не уронить на уходящую вниз по этажам песню маляра.

Теперь, заканчивая поливать, она почувствовала некое движение и немного высунулась из окна.

На лоджии, что была этажом ниже и чуть левее, чьи-то костлявые пальцы ковыряли лезвием ножа землю вокруг лукавиц, укропа и другой зелени, посаженной в навесных ящиках, только не пластмассовых и блестящих на солнце своей чистотой, как у Любы А., а деревянных, старых и рассохшихся, в колючей скорлупе отслоившейся краски.

Люба А., глядя на стоящие внизу деревья и пролетающих мимо ворон, произнесла как бы сама себе, но так, чтобы это было слышно соседу «левее и ниже»:

– А съедобное на балконе вредно выращивать. Оно выхлопные газы и прочую дрянь впитывает. Отравиться можно.

Соседские руки замерли над укропом и из углубления в стене, медленно выдвинувшись, показалось бледное лицо со впалыми щеками и «складками скорби» у рта. Солнечный круг тускло отразился на матовой лысине, и большие и грустные глаза посмотрели на Любу А.

Взгляд был очень пристальный, и ей уже захотелось извиниться за своё благожелательное, но всё же замечание... Линия рта показавшегося мужчины, взламывая сухую кожу губ, разомкнулась, и он произнёс:

– Есть очень хочется.

Глаза Любы А. тоже погрустнели.

– Бедненький, – только и успела сказать она, потому что из-за её спины повалил дым.

Она кинулась в кухню, к блинам, не заметив, как по стене

дома, от лоджии к её окну, проскользнула тень.

Блины сгорели.

Люба А. бросила их в раковину и, схватив полотенце, отчаянно им замахала, прогоняя синюю завесу дыма в распахнутое окно.

Достав тарелку, она отложила из горки блинов половину и поставила их на стол. Потом полезла в холодильник за сметаной, потом – в шкаф за вареньем и мёдом. Разложив всё на столе, она опять заглянула в холодильник, но рука только прикоснулась к баночке красной икры, потому что, как будто о чём-то вспомнив, Люба А. вдруг оглянулась: за столом, склонив голову, сидел сосед. Остатки дыма ещё скользили по кухне, но Люба А. точно могла разглядеть, что это был именно он.

Она закрыла холодильник, оставив в нём нетронутой икру, и села за стол. Подумав, подвинула соседу тарелку с блинами.

– Меня зовут Веня, – произнёс тот, не поднимая глаз.

И занялся скручиванием блина.

– Люба, – представилась та в свою очередь. И, подумав немного, добавила к имени, – Александровна.

Потом она подвинула к нему поближе масло и варенье, и мёд.

А вскоре – оставшуюся половину блинов.

Веня сворачивал один блин за другим, не обращая внимания на сидящую напротив Любу А.

Она смотрела на своего гостя, и глаза её становились всё больше и грустнее.

Тарелки опустели. Люба А. забрала их у Вени, отнесла в раковину. Горелые блины ещё валялись там. Повернувшись к Вене спиной, Люба А. отщипнула у одного кусочек и сунула в рот. Пожевав немного, выплюнула и, беззвучно вздохнув, выбросила блины в мусорное ведро.

Послеобеденные облака заволокли городское небо и брызгали на желтеющие деревья мелким и нудным дождём.

Люба А. развлекала гостя экскурсией по своей маленькой двухкомнатной квартире.

Ничего интересного на её полезной жилплощади не водилось. Кроме цветов, которые у Любы А. росли в большом количестве и разнообразных видов.

Она подводила Веню к каждому цветку по очереди и, поглаживая листья, рассказывала, что это за диво и откуда оно родом, и как живёт.

Веня, казалось, слушал внимательно, но, подойдя к очередному цветку и, в нетерпении дождавшись паузы, после слов «...вы не представляете, какой он нежный и ласковый...», спросил:

– А где вы такой горшок брали? – и постучал по нему костяшками пальцев.

Люба А. захлопала глазами, пытаясь понять, о чём речь, но всё-таки с трудом произнесла:

– Не помню. Вроде, подарил кто-то.

– Мне бы кто такой подарил, – вздохнул Веня.

– А зачем вам?

Веня быстро залез в карман и вытащил оттуда небольшую луковицу.

– Вот. Лук от семи недуг.

Потом он также быстро расковырял пальцем в земле рядом с цветком небольшую ямку и воткнул в неё луковицу.

Люба А. охнула, но из вежливости ничего не сказала.

Веня стоял потрясённый:

– Как родился здесь! Чувствуете, как ему уютно? Тесновато, конечно, с соседом-то, но какой горшок! Пусть останется, а? – умоляюще спросил Веня и, пожалуй, впервые за уже наступающий вечер, поднял глаза на Любу А.

– Хорошо, – сказала та.

Веня обрадовался, и она улыбнулась.

Он вытер руку о свои брюки, слегка похлопав при этом ладонью по карману.

Люба А., вежливо улыбаясь, зашторила окна и включила свет.

– Темнеет, – объяснила она.

Веня рассматривал горшки.

– Я вас не задерживаю? – робко спросила Люба А. – Может, вы спешите?

– Я? Нет. А куда? Ключи-то дома остались. Захлопнулись.

– Надо слесаря вызвать, – засуетилась Люба А., исчезая в темноте коридора.

– Ага, – рассеянно отвечал гость, подходя к одному из цветков и опуская руку в карман.

Люба А. возвратилась в комнату, не заметив, что ещё одна луковица поселилась в её квартире.

– Они говорят, что слесарь у них один, и он заболел. Может, вам через балкон ваших соседей перебраться? Я хорошую верёвку дам, для страховки.

И она полезла в шкаф.

– Соседей нет, они ещё из отпуска не вернулись. А про слесаря я знаю. Я сам этот слесарь и есть.

Люба А. закрыла шкаф и присела на стул рядом.

– Может, к родственникам или друзьям?

– Один я. Со всех сторон, – с некоторым пафосом проговорил Веня.

Люба А. сочувственно помолчала.

– И что же делать?

Веня пожал плечами, подошел к журнальному столику и, бегло просмотрев программу передач, включил телевизор. Удобно устроившись на диване, он уставился в экран.

Дверь комнаты приоткрылась, и белый расплывчатый круг от света фонарика тихо двинулся к спальне Любы А.. Следом двигался Веня.

Он вошел в спальню.

Белый круг ткнулся в пол, замер и вполз на стену. Не торопясь, Веня подошёл к одному из цветков, раскрыл перочинный ножик. Еле удерживаясь от желания срезать тонень-

кий стебель, он сделал ямку и пристроил в неё головку прорастающего лука...

Белый круг распластался по стене, увешанной фотографиями.

Веня подошел ближе и, вытянув шею, принялся их рассматривать.

Вот Люба А.; вот мужчина улыбается и машет рукой; вот Люба А. вместе с этим мужчиной на теплоходе...

Одну из фотографий он рассматривал дольше: во дворе дома Люба А. с ребяташками раскрашивает снеговиков, а в стороне, в углу фотографии, стоит случайно попавший в кадр Веня, наблюдая за происходящим.

Веня улыбнулся. Луч фонаря заскользил дальше и очутился на кровати. На одной подушке оказалась голова спящей Любы А. – она отвернулась к стене; на подушке, что лежала рядом, – большой фотопортрет «мужчины с теплохода».

– Спокойной ночи, – не оборачиваясь, вдруг произнесла Люба А.

Веня вышел...

На кухне он с ожесточением вырыл две ямки около одного из цветков и посадил в них по луковице.

Веня сидел на кухне, часто постукивая по деревянной доске ножом, и превращал луковицы в мелкую кашу.

Солнце только вылезало из-под горизонта. Люба А. посмотрела на часы заспанными глазами – шесть, почти ровно.

Она поставила чайник и села напротив Вени.

– Это для чего? – спросила она сонным голосом.

– От головной боли и для роста волос, – ответил Веня, накладывая кашу в марлевую шапочку и аккуратно при-
страивая её на своей голове.

– Вы плохо спали?

Веня помолчал, глядя за окно, и еле слышно произнёс:

– Меня никто не любит. И когда я думаю об этом, у меня
начинает болеть голова. От злости.

– А вы не злитесь.

– Если я не злюсь, то начинаю завидовать. Тогда ещё
и сердце болит, а к нему лук уже не приложишь.

– И кому вы завидуете?

– Вам, например. И вашему мужу. Видно, что вы любили
друг друга.

– По чему видно?

– По фотографиям. Да и по вам. Если я умру, мою фото-
графию на подушку никто не положит.

– Попробую в диспетчерскую позвонить, – поднялась Лю-
ба А., вытирая появившиеся то ли от лука, то ли ещё от чего,
слёзы.

Веня тоже пересадил на ладонь пару капель, возникших
на щеках, и убрал оставшиеся луковицы в холщовый мешо-
чек.

– Теперь говорят, что когда будет слесарь – неизвестно.
Вы обычно долго болеете?

Веня пожал плечами. Посмотрев на его несчастное лицо, Люба А. предложила:

– Давайте врача вызовем?

Веня отрицательно покачал головой.

– Бюллетень мне уже дали. Но лечусь я сам: неделю лук попринимаю – и всё. Репчатый – как наружное, зелёный – внутрь. И живой воды не надо. Только вот зелёного у меня сейчас нет.

Веня загрустил.

– Я куплю, – сказала Люба А.

– Нет, тут нужно домашнего разведения. Посадить бы немного, а? К цветочкам.

– Но... я не знаю... Они как-то не сочетаются. Да и пока этот зелёный вырастет... А вам же надо лечиться.

Веня нахмурился и хотел что-то сказать, но, заметив перемену в его настроении, Люба А. опередила:

– Хорошо, попробуем. Но только немного.

– Немного – это для меня мало. Всё равно что ничего...

Да уж ладно, хоть что-то.

И Веня развязал свой холщовый мешочек.

Люба А., в осеннем пальто нараспашку, поставила сумки на кухонный стол, сняла с себя шапочку и маленький шарфик, слегка растрепав волосы, но тут же их поправив. Выложив все продукты, Люба А. вдруг заметила на полу рассыпанную землю. Она посмотрела на подоконник: в нескольких горшках вместо цветов торчали прорастающие луковицы.

Люба А. бросилась искать Веню.

Он лежал на диване с обмотанной марлей головой.

– Зачем вы ... – она не могла подобрать нужных слов.

– Я понял, почему я не выздоравливаю. Луковки, – он постучал пальцем по своей макушке, – вместе с соками почвы впитывают изнеженность и, следовательно, слабость ваших домашних цветов. Земля в горшках отравлена цветами! Понимаете?! Оттого-то мне всё хуже и хуже. Даже глаза болят.

И он часто заморгал.

– Глаза от брызг раздражаются, когда вы свою кашу делаете, – заметила Люба А. – А потом ещё и на себя её лепите.

– Нет, – зло отрезал Веня и настойчиво повторил. – Это оттого, что лук силу потерял и крепость, сидя вместе с цветами. Лук стал хуже, и мне хуже. Не годится он такой для лечения.

Веня застонал, схватившись за виски.

Люба А. достала лежавшие в углу серванта, в маленькой жестяной коробке из-под монпансье, деньги и, забрав сумку, выбежала из квартиры. Хлопнула входная дверь.

Веня выглянул в коридор, прислушался, увидел Любины тапочки у двери... Не теряя времени даром, выкопал ещё пару цветков и заменил их на своё «лекарство».

Но вскоре вернувшаяся Люба А. этого не заметила.

Она накапала в чашку с водой валерьянки и, выпив её, вывалила из принесённой сумки стопку новых горшочков и пакеты с землёй. Затем позвала Веню.

– Это вам. Сажайте.

Веня был счастлив.

Квартира превратилась в одну большую грядку: Веня расхаживал по ней, поливая из розового слоника зелёные перья лука. Люба А. сидела около последнего своего цветка и листала книжку по разведению огородных культур.

Веня закончил поливать, оглядел комнату. Забравшись на стул, он снял со шкафа нечто в большом пыльном футляре и аккуратно опустил это на пол. Открыл замки. Внутри оказался аккордеон.

Люба А. с тревогой посматривала в сторону Вени.

Тот уселся на стул и поставил инструмент себе на колени.

– Это – мужа, – сообщила Люба А.

– Если бы я был вашим мужем, я бы обязательно играл вам каждый день. Я умею. Только об этом, кроме меня, никто не знает.

И пальцы Вени забегали над клавишами, не касаясь их...

Люба А. хотела спросить, что он играет, но Веня, остановив свой взор где-то в заоконных далях, молчал. И ей стало неловко его отвлекать: Веня был углублен в свою, лишь ему слышимую музыку.

На какой-то миг Любе А. показалось, что и она слышит эту музыку – здесь, в этой комнате, – и вальс, выскользнув из-под клавиш, как и много лет назад, снова кружит осенние листья... Она испугалась и посмотрела на своё отражение во встроенном в шкаф зеркале. Похудевшая, с синяками

под глазами, она была полной противоположностью Вени – разбуряившегося и пополнившегося.

– Боже! – прошептала Люба А. в ужасе от своего вида.

Веня остановился и сердито посмотрел на Любу А.

– Боже, какая музыка! – улыбнулась она сквозь слёзы.

Веня тоже улыбнулся Любе А., поставил аккордеон и, подойдя к ней, неловко поцеловал.

С красными слезящимися глазами Люба А. готовила для Вени его «лекарство». Веня хлебал луковый суп. Он хмурился и о чём-то думал. Люба А. отложила нож, упаковала «лекарство» в марлю и пристроила её на Вениной голове.

– Что с вами опять приключилось? – ласково спросила она.

– Не любите вы меня, вот и всё приключение.

– Отчего вы так думаете?

– А чего тут думать? Я по глазам вижу, – с отчаянием в голосе произнёс снова заболевший Веня. – А я вот вас очень люблю. Это у вас что?

Он показал на кровь на руке Любы А.

– Ох, я не заметила... Наверное, ножом задела, – она сунула руку под холодную воду.

– Вот видите, как я вас люблю! Вы не заметили, а я заметил. Сейчас вылечу, идите сюда.

Он набрал с тарелки остатков своего «лекарства» и хотел залепить им порез, но Люба А. отёрнула руку.

– Так мне больно будет! Он же щиплется.

– Я же говорю, что вы меня не любите – вот, пожалуйста, не доверяете. Разве это любовь, без доверия? – тихо и грустно сказал Веня.

Он отодвинул тарелку, и, выйдя из-за стола, через несколько секунд оказался по ту сторону входной двери.

Люба А. нашла его в центре ближайшего перекрёстка.

Он стоял под висящим над перекрёстком светофором и смотрел на ночное небо в осенних звёздах.

– Простите, пожалуйста, – прошептала Люба А. из-за плеча Вени, то ли ему, то ли звёздам, к которым она тоже подняла голову.

Они вернулись домой, и Люба А. протянула Вене пораненную руку. Он бережно обмотал ее «лекарственной» повязкой. Люба А. морщилась от неприятных ощущений, но Веня ничего не замечал, потому что думал о том, как сильно умеет любить, и как жаль, что этого не ценит... *он она*

Фотографии в застеклённых рамках Люба А. складывала на стол.

Веня вынимал их из-под стекла и заменял другими, с изображениями представителей луковичных. Люба А. рассматривала «новеньких» и вешала рамки на прежние места.

Лишь одна фотография осталась нетронутой – та, на которой шапка и плечи Вени случайно попали в нижний угол кадра.

– Видите? – показал он Любе А. на свой торчащий из-под шапки нос. – Это судьба...

Закончив работу, Веня подошёл к стене и любовался со-
творённым.

Люба А. собрала вынутые фотографии в стопочку. Быст-
ро просмотрев, отложила портрет мужа, спрятав его под по-
душку дивана.

Веня повернулся.

– Давайте мне их сюда.

Он протянул руку к Любе А.. Она молча отдала ему фото.

– Зачем нам воспоминания о прошлом, какое бы оно хо-
рошее ни было? Всё лучшее у нас с вами впереди. Прав-
да же?

Люба А. кивнула.

– Надо бы лекарство принять. Для профилактики.

Веня с фотографиями в руках вышел из комнаты.

Люба А. подождала немного, бросилась к подушке, выну-
ла из-под неё портрет мужа. Схватив горшок с последним
цветком, оставшимся в доме, она перевернула его и выта-
щила земляной ком наружу. Положив фотографию на дно
горшка, быстро и аккуратно вернула цветок на прежнее ме-
сто, собрав просыпанную землю.

Когда Веня вернулся в комнату, Люба А. сидела около
цветка и смотрела на новые фотографии на стене.

– Симпатичные, – заметила она.

– Не то слово, – обрадовался Веня. – У меня есть идея:
рвать с прошлым надо одним махом. Давайте и этот горшок
пустим по достойному назначению.

Люба А. испугалась.

– Но цветок такой красивый! Самый красивый из всех, что у меня были. Я вам лучше новый горшок куплю. Несколько даже.

– Дело не в них, а в том, что... Как с фотографиями: были и – нету. И всё только впереди. А этот, оставшийся, – Веня показал на цветок, – будет постоянно в глаза лезть, начнём из-за него ссориться, я опять заболею...

– Можно, не сейчас? Я не могу так сразу, вы должны понять.

– Он же затащит вас в воспоминания, он испортит наше будущее своим напоминанием о прошлом – унылом и одиноком.

– Почему же «унылом»? – возразила Люба А.

– Вы хотите сказать, что я для вас ничего не значу? Что я не приношу вам долгожданной после годов одиночества радости счастья? Значит, вы меня всё-таки не любите?

– Ну-у-у... почему же? Вы самый любимый из всех моих цветов, – виноватым голосом попыталась шутить Люба А.

Но Веня уставился в пол, сдвинув брови, и, глубоко задумавшись, молчал.

Люба А. не знала, что ещё сказать.

Веня вышел из комнаты и вернулся с папкой в руках.

– Меняю. Можете это спрятать и доставать, когда меня не будет рядом.

Люба А. открыла папку. Она вытащила один лист бумаги,

потом – другой... На листах были засушенные цветы, жившие у неё прежде.

– Мне было вас жалко. Я по себе знаю, что выращивать – немалый труд. Зачем же ему пропадать-то совсем? Меняетесь?

– Я не люблю гербарии, – всхлипнув, проговорила Люба А.

– И меня – тоже, – добавил Веня. – Вам всё равно, что я могу умереть, если вы не отдадите цветок.

– Отчего же вы должны умереть?

– От горя. А может, от головной боли, потому что вы – моя последняя и, видно, не оправдавшаяся надежда.

– Давайте поменяемся. Дня через три, – согласилась Люба А. – Мне привыкнуть надо... – снова добавила она виновато.

Веня, ничего не ответив, вышел из комнаты.

Ночью Люба А. не спала.

Она поставила цветок на свою постель, к стене и, боясь заснуть, села рядом, подложив под спину подушку.

Она видела через матовость застеклённой комнатной двери блуждающий по коридору белый круг фонаря; она слышала, как то приближались, то удалялись шаги по скрипучему паркету. Но дверь ни разу даже не приоткрылась.

И когда всё затихло, Люба А., совершенно изнемогшая от сознательной бессонницы, в очередной раз прикрыв глаза, уже не открыла их до самого утра.

Утром в квартире было тихо.

Люба А. сначала прислушивалась к этой тишине, потом вышла в коридор и осторожно прошла по квартире – никого.

Она посмотрела на растущий лук: земля в горшках была сухая, и лейка до края наполнена водой.

Люба А. полила лук, присела на стул и опять прислушалась. Кроме криков ребятни, проникавших с улицы, ничего не было слышно.

Тогда она вошла в комнату. И в ней – никого. Она полила лук и здесь. *его*

Озадаченная, Люба А. снова вышла в коридор и, открыв большую записную книжку, набрала номер.

– Скажите, пожалуйста, – очень вежливо начала она, – а слесарь всё ещё болен?.. Умер?.. Понятно... Конечно, конечно, хорошего сейчас трудно найти, я понимаю... Спасибо.

Когда она положила трубку, случилась некая пауза, во время которой Люба А. захлопнула телефонную книжку и тут же зачем-то опять открыла, и опять закрыла...

На кухне она долго стояла у окна и смотрела в него, не понимая, куда смотрит и что хочет там увидеть. А потом... руки как-то сами потянулись, и она распахнула рамы, по старой, забытой уже привычке, глубоко вдохнув.

В огромном количестве что-то с шумом влетело в окно.

Люба А. оглянулась: на развешанном белье пестрели бабочки. Они медленно двигали крыльями, но когда она подошла к ним, замерли неподвижно.

Люба А. осторожно дотронулась до одной из них – бабочка не шевелилась, до другой – то же самое. Они были высохшими.

Она стала снимать бельё и стряхивать бабочек в открытое окно. Крупные хлопья снега посыпались вдруг отовсюду. Люба А. вытянула руку и подставила раскрытую ладонь под снегопад. Снег сыпал на ладонь и, не тая, вырастал в белый бугорок.

Люба А. слепила из него снежок и кинула в воздух.

Ударившись о меховую шапку, белый комочек рассыпался. Мальчишка обернулся и погрозил кулаком: девочка, стоявшая позади, смеялась и делала новый снежок.

Но теперь она положила его на белую землю и, сначала ногой, а потом руками, погнала перед собой. Снежок быстро вырос в большой ком. Девочка слепила второй снежок и кинула его мальчишке в руки. Он поймал его и тоже скатал ком.

Они собрали снеговика. Несколько деталей, и он превратился из просто снеговика в снеговика, похожего на человека: большие глаза, белая лысина, окаймлённая воткнутыми по краям «головы» мелкими прутиками-волосами; покрытая налётом плесени сидела на месте носа сморщенная морковка.

Это был вылитый Веня. Вернее, вылепленный.

Его холодное лицо было повернуто в сторону дома, а давно потухшие угли глаз смотрели на окна. На одно из окон, около которого стояла одинокая и грустная женщина – Люба

Александровна.

Блинная мука у неё кончилась, и потому сегодня она не пекла.

Во гробе

«Некогда, среди одного дикого племени был бесчеловечный обычай обессилевших стариков вывозить в лес или глубокий ров, и там бросать на съедение диким зверям. И вот, однажды, сын повёз своего отца на лубке и хотел бросить его в ров вместе с лубком, но внук этого старика, увязавшийся за отцом и дедом, вдруг сказал: „Постой, батюшка, лубок-то не бросай!“ „Да для чего же тебе этот лубок?“, – спросил отец маленького сына. „Как же для чего?! Когда ты, батюшка, состаришься, так я тебя на этом лубке под горку отвезу!“ Задумался отец над словами своего сына и повёз своего старого отца назад домой».

И народу-то в ресторанчике было немного, но гудели похорошему. Отмечали с самого почти утра. Во главе стола сидели двое мужчин: молодой, но уже с первой сединой, в остатке костюма, то есть без пиджака и галстука, и отец его, почти старик, в лоснящемся пиджаке и в полувыцветшем галстуке.

– Ну что, отец, нравится? – спросил молодой, широко взмахнув рукой в сторону всего сразу.

Дед заёрзал на стуле.

– Да, да! Очень нравится!

Ресторанчик, действительно, был симпатичный. Не слишком большой, и не очень маленький. А главное, был он по-

домашнему уютный.

– Радуйся, отец, чего сын твой достиг. И построили-то всего за четыре месяца!

– Радуюсь, сынок, радуюсь! Молодец! Скинуть бы себе лет десять, пошёл бы сюда поваром работать, – захихикал старик.

– Не волнуйся, отец, без дела не останешься. Накрутим тебе с рестораника какую-нибудь кафешку, будешь народ наш блинами кормить, да чаем поить.

– Куда мне... – вздохнул Дед.

– Да не сам же! Найдем работников. А ты только командуй да смотри, как работу делают, чтоб посетители довольны были. А если кто ленивый или пьяница окажется, я его, – ты, то есть, хозяин их, – быстренько... уволим. Согласен?

И стал он что-то говорить, объяснять, вспоминать, ругать кого-то и при этом всё пить да подливать то себе, то отцу своему. Но Дед почти ничего не воспринимал, потому что несколько стопочек ранее уже сделали своё дело. Да и компания эта разонравилась, и давно стало ему утомительно в ней, чего, конечно, не мог он сыну сказать. Накурили, скатерти запачкали... Кто не заснул за столом или в креслах залы, тот шумел-дурачился, да всё как-то со скверными словами впережку, каких Дед терпеть не мог. По всем этим вместе сложенным причинам впал он в почти сомнамбулическое состояние, и теперь всё плыло куда-то, – и голоса, и люди, – то приближаясь, то исчезая. Сквозь туман этот ощутил Дед

нечто неподвижное, ждавшее его пробуждения. Он почувствовал, как внутри него натянулась невидимая верёвочка, задрожала и вдруг оборвалась. Дед испугался и открыл глаза, хотя уверен был, что и не закрывал их вовсе... Не моргая, смотрел на него сын.

«Началось, – подумал Дед. – О, Господи! Тяжки грехи наши!»

– Ты чей? – спросил его сынуля. – Из моих?

– Из твоих, – тяжело вздохнул Дед.

– Отец чей что ли?

– Ну да...

– А чей же, батя?

Дед начал соображать, как бы ему так объяснить, чтоб побыстрее и насовсем уж вспомнил, но и грамма хоть какого соображения не лезло в полупьяную голову...

Заметил Дед некоторое время назад за сыном своим странность. Разговаривает, а из слов получается, что не с ним, отцом его, а с кем-то другим, одному ему известным. «Что ж, – думал Дед, – работает много, для людей старается, но благо отчизны, вот и постранил. Двинешься тут, когда всё о родине, да о родине...».

Весьма кстати вышел из кухни официант с тележкой – блюда менять. Дед поманил его:

– Водички холодной не найдется? Хоть из-под крана. Мутит чего-то...

– Сейчас принесу.

– Да не надо носить! – поспешил сказать Дед. – Сам дойду.

Прогуляюсь...

Официант кивнул.

Чувствуя на себе вопросительный взгляд сына, так и не получившего ответа, Дед торопливо вышел из-за стола.

На кухне было почти тихо, хотя народу толклось не мало. Нароботались все с раннего утра, а потому были уставшие и неразговорчивые. Зато громко шипело масло на сковородах, шумели вытяжки и всякие приборы для облегчения кулинарного труда.

– Надень, а то заляпаешься, – Повар протянул Деду халат. – У нас тут масляно.

Дед надел халат и устроился у стенки за расцарапанным столиком о четырёх тонких металлических ножках вращающемуся.

Повар открыл бутылку столовой воды, положил всячины всякой на большую тарелку и поставил перед Дедом.

– На вот, закуси.

– О-о! Капусточка, грибочки... – выпив немного воды, без особой охоты перебирал Дед вилкой угощения. – Собирали и я в прошлом году. В этом заленился, не пошёл. Сынок мне всяких разносолов – покупных, правда, – целый холодильник набил. Говорит: «Отдыхай, отец!» Да это ж не домашнее. Но с ним спорить... Обидится на копейку, а расшумится на сто рублей... Ой, нет всё-таки... Спасибо, чего-то не хочется мне. Водички ещё выпью, а это не буду. Я не тро-

гал, можете обратно положить. А вот ещё бы рассольчика... не найдётся?

– Да-а-а, сынок у тебя необычный, – Повар прижал донышком половника капусту в бочонке. Рассол не спеша, перекатываясь через край, заструился в ложку. Перелил в стакан, обтёр его от мокрого и подал Деду. – Все бы так пеклись о родителях. А на самолёте не боишься?

– На каком самолёте?

– Ну, вот на Канарские острова собираешься. Или куда он путёвку-то сегодня тебе презентовал, на торжественной части? Забыл уже? Туда же на самолёте надо.

Дед задумался, брови приподнял, глаза округлил, головой покачал – удивился.

– А поездом – никак?

– Если только сынуля твой мост прям до места перекинет и поезд по нему пустит, – засмеялся Повар.

– Далеко ли?

– До Африки считай...

– Это, наверное, дорого, – ничуть не улыбаясь, сказал Дед.

– Да уж, тут его капитала точно не хватит...

– Ну, ничего, и на самолёте летаю. Я ни разу не летал, попробую. Мне чего... Я уж пожил...

– Да всё нормально будет! Чего ты так мрачно-то? – усмеялся Повар.

Дед отглотнул рассольчика, повертел стакан.

– Теперь можно чего и покрепче. Не дадите?

– Осилишь? – Повар достал из шкафа коньяк.

– Давай! Может, за компанию?... Заодно и закусим, из тарелочки...

– Ну... если немножко, расслабиться...

И Повар присоединился. И взбрело тут Деду похвалиться сыном и новой своей жизнью. Что, мол, обещал ему сынок квартиру в городе купить, да вроде, как и купил уже. Пока он, отец его, на канарских пляжах загорать будет, здесь как раз её ремонтом отделают. Да ещё дом в деревне есть. С ним расставаться жаль, конечно, да с собой не заберёшь. Кому-нибудь из родственников отдаст. Наметил – сестре, но не решил ещё. Хотя завещание на всякий случай оставил, в доме же и припрятал. Мало ли что. Пусть будет... А пока жизнь заново начинается, надо бы и семейную часть её наладить. Надоело одному в окно зыркать, по утрам шторы раздвигая для пустого солнечного света. Вот на Канарах поймает канареечку какую попушистее и привезёт сюда. Пусть щебечет...

Повара слушали, продолжая готовить, и поначалу улыбались тайком, а вскоре и смеяться стали. Забавлял их Дед фантазиями своими. Но больше всего веселило то, что верил старик в свои планы, и представлялось всё это ему таким уж совершенно реальным, что стоило только руку протянуть, как вот до этой пышечки-поварихи, да схватить покрепче... Пышечка хихикала, уворачивалась, а Дед другую ловил тут же, благо половина народа на кухне была женского

пола.

Насмеялся Дед с поварами, нарезвился с поварихами. И как-то вдруг притих. Немного посидел притихший, а потом встал и сказал:

– Йе-эх, нашалился я с вами! Спасибо, ребята, за харчи. Однако, сынуля мой заметит, что нет меня долго – рассердится.

Дед приоткрыл дверь, и стало слышно, что в зале поют.

– Хорошо поют... а? Нет, ну ты послушай, послушай! Как поют!

Пели, наверное, давно, потому что и голоса уже еле тянули и с хрипотцой, да и песня, стоило Деду дверь открыть, вскоре закончилась.

– Да после такого и помереть не жалко! – радостно воскликнул Дед в наступившей тишине.

– Кто это здесь помирать собрался? На моём дне рождения?! Кто мне праздник желает испортить? Проявись сей же час! – заорал сын.

Дед вышел из-за двери и наткнулся, как бабочка на иголку, на его взгляд....

Весь зал – затихший так, будто никто и не пел только что – смотрел на Деда.

– Это ты помирать собрался? Иди сюда.

Дед подошел и тут же заметил, что крутит его сын головой по сторонам, будто ища кого.

– Отец! – позвал он. – Отец!.. Чёрт! Куда он делся?!. Лад-

но, садись пока.

«И что с ним делать?», – вздохнул про себя Дед и сел на своё место.

– Выкладывай, почему решил на тот свет перебраться.

Дед рассмеялся.

– Да нет у меня такого желания вовсе, что ты, сына? Просто поёте так хорошо, душу насквозь пронзаете. Я и подумал: «Славно поют. И песня хорошая – душа в ней есть живая... Теперь и умереть можно. Спокоен я за будущее своё – Родину мою»....

– Хорошо поём? Да? Успокоился? Да? И потому, значит, решил наконец-таки, помереть?

– Да это просто говорят так... Выражение такое есть, не знаешь разве?

Но сынуля все отцовы слова направил в обход ушей, а в себе вдруг откопал и выбросил на поверхность мысль:

– Оригинальная идея, между прочим! Ну, бать, ты просто гений! Такое ноу-хау! Безо всяких криогенных батискафов! Раз – и туда! В будущее! Ну и правильно! Потому что никакого другого будущего не существует!

Сын свёл брови и сверкнул из-под них покрасневшими глазами.

– Да, интересно... Ты, значит, намылился на тот свет поды... отдыхать, а мы тут вкалывать должны, светлое завтра потомкам строить... А сам-то не хочешь в строительстве поучаствовать?

– Наигрался я уже в это... Настроился на своём веку...

– Значит, в наше светлое завтра ты не веришь? – сурово спросил сын. – Понятно...

Всё снова смолкло и смотрело на них двоих.

– А что это, старик, на тебе надето? Разве в этом можно на тот свет отправляться? – прогремел в тишине голос отпрыска.

Испугался Дед, что остаётся один на один с неменяемым состоянием сынули своего, в голосе которого всё меньше слышалось знакомого и родного...

– Ты же говорил мне, чтобы я не транжирил, мол, денег мало.

– У кого? У тебя, дед, может, и мало, а у меня... Ты всю жизнь таких как я кормил, поил. И кроме чаевых подачек, что имел? Ты, бать, какого разряда повар?

– Да не повар я! Это так... – Дед, привстав, заспешил снять халат, в котором он вышел из кухни и про который давно забыл.

– А! Не суетись! – сынуля небрежно, одной левой, касаясь только кончиками пальцев, посадил отца на место. – Какая разница – повар или директор ресторана? Не комплексуй! А халатик-то не годится... Ребята, принесите подарок, что я отцу приготовил. Раз сбежал, значит, другому достанется... Я ему Канары и квартиру в городе! А он сбежал!.. Бать, а ты не брат ему какой случайно? Так вы похожи!.. Ну, давай, надевай...

Дед стоял перед сыном в костюме и чёрных лакированных туфлях.

– Смотри ты! И размер, и фасон... Нравится? Ну как на тебя шили!

– Так на меня и шили! Забыл ты уже...

– Что?

– Да так. Говорю, – мелко засмеялся Дед, – в таком костюмчике хоть к президенту на приём!

– Наконец-то я кому-то угодил! Ну и славно! Чего тогда тянуть? Бать, а давай прям сейчас? Пока ты счастлив до такой степени, что и помереть не жалко... Да? Счастье, ты ж знаешь, – редкая штука. Когда оно ещё нагрет? Когда ещё два в одном случится? Чтоб и счастье и помереть – сразу? Это ж как здорово всё сошлось!.. Всё! Решено! На нашем, на деревенском... А ты вообще откуда?

– Оттуда, откуда и ты, сынок. Из одной мы с тобой деревни.

– Ну вот! Значит, на нашем! Чтобы на твоей любимой родине, как положено, – повернулся сынок Дедов к своим прислужникам и махнул им рукой. – Давайте, ребята, организовывайте! И чтоб быстренько! А то передумаю...

– Так как же ты, сынок, не шутишь что ли? Я ж к президенту на приём готов, а к Богу – нет! Туда с отчётом надо, а я его ещё не составил.

– Ничего, симпровизируешь! А шуток я, батя, не люблю. Некогда мне шутить. Я та лошадь, что не ржёт, а пашет.

За твоё светлое будущее! Потому как точно в раю тебя уже ждут. Фарфар... фары... вары... нары... Фа-ннн-фа-ры! Да. Уже чистят... ангелы... Дед, пойми, если не сейчас, то уже никогда! Ты знаешь, какое это ужасное слово – ни-ко-гда?! Пользуйся моментом!

И допил оставшееся в хрустальном стакане.

– Что ж ты, собственного отца похоронить вздумал? – рассердился Дед.

– Отца?! – сынуля огляделся. – Какого отца?

– Какого?! Такого, что перед тобой стоит! Вот дурак-то пьяный! Не повар я, а самый твой настоящий отец, балбес ты этакий! – воскликнул Дед в отчаянии. – Отец, который родил тебя.

– Ты?! Это как? Меня же мама родила...

– Про папу тоже так говорят, сынок.

– Па-а-а-апа... Папа? Па-па... Странное слово какое-то, нерусское, – сын всхлипнул, глядя в глаза Деду. – Папочка, ты меня прости, папочка... сколько я пелёнок изгадил... Сколько хлопот... и мамочке... Мамочка, – царство ей небесное, конечно, – но всё время мне ботинки на два размера больше покупала... на вырост... Вот я и вырос. На два размера... Господи, как хорошо, что я уже вырос...

– Для кого, сыночек?

– Что?

– Для кого хорошо?

Сын задумался.

– Слушай, – сказал он вдруг. – И чего ты цепляешься, чего? Чего ты вот получил от этой жизни? Ты бежать от неё должен, куда глаза глядят.

– Ну так вот, вроде же, на Канары... – осторожно произнёс Дед.

– Это ты правильно придумал, – сказал сын.

«Нет, не узнаёт...» – отчаялся Дед.

– Но ведь и там от неё не спрячешься! Везде достанет! Ты вот докажи мне, батя, что жизнь настолько хороша, что за неё цепляться нужно, и я тебе вторую жизнь подарю, не то что отдых на Канарах!

– Сынок, не умею я доказывать, нет у меня математического образования. Да и не Господь Бог я, тайн жизни не ведаю... И жизнь вторую не подаришь ты мне. Нет! Не задираться! А знаю только, что так как ты о жизни мыслишь – неуважительно к ней, нельзя так. Противно это строю природному!

– Ой, да ладно... Какой строй в нашей деревне установим, – я установлю! – такой в ней и будет. А на другие строя мне... извини... сам догадайся что...

– Ну, твоё дело. Попробуй, установи... Недолго, боюсь, эксперимент твой длиться будет.

– Какой ты, дед, упрямый! Как мой отец! Один в один, – сынок оглянулся на стоящего позади охранника. – Куда мой батя ушёл? Я для кого, вообще, всё это устроил? Найти его сейчас же!

Охранник подошел и, склонившись к уху хозяина, что-то зашептал. Сын обернулся к Деду и уставился на него.

– Не-е-а... – сказал громко.

Охранник пожал плечами и отошел на место.

– Он говорит, что ты и есть мой папочка. Врёт, сволочь!

Я что, своего папочку не знаю что ли? А если и папочка?.. Может, это и к лучшему? Зачем мне на каких-то поваров деньги тратить, я им и так хорошо плачу... Отец, пока есть возможность по-человечески, давай, а? Отличная же идея! Я прям завёлся от неё! А то ведь или меня, или я кого... Что с тобой-то будет? Кому ты нужен останешься? А? Тебе всё равно ведь скоро... А? Пока у меня дел не много...

– По-человечески-то, конечно, хочется. Но я ж живой ещё... как же так?... А халат – это я на кухню заходил. Чтоб не запачкался, дали.

– Да что ты со своим халатом?!

– Да и потом, что ж тебе беспокоиться? У тебя дела, работа... Меня, как ветерана, государство обслужит, подешевле...

– Подешевле – это как? В простыню что ли упакуют, вместо ящика?

Дед пожал плечами.

– Вот и молодец! Давай по одной на дорожку. Давай, это... на брудершафт. Тебя как зовут?

– «Твой отец» меня зовут, – твёрдо проговорил Дед, сцепившись с сыном локтями и пытаясь выпить свои сто грамм,

не расплескав.

Выпили, облобызались со вкусом.

– Ну вот, отец, теперь мы братья навек, – и сын его бросил стакан на пол.

– Хорошо, пусть хоть братья, – махнул Дед рукой, и его стакан тоже улетел вниз. А вслед за стаканом – и он сам.

– В общем, всё! Я как сказал, так и будет! Отец! – закрычал вдруг Дедов сын, снова оглядываясь по сторонам. – Чёрт! Куда он запропал? Оте-е-ец!

И сынуля, поднявшись со стула, раскачиваясь, как корабль в штормовую ночь, но всё же держась на ногах, пошёл по ресторану, ища своего родителя.

Детина метра под два ростом и с метр в ширину плечей, и оттого прозванный Слоном, в чёрной щетине и с доходящей сигаркой в раскоряченных пальцах, пустил дым. Сизая струя крутанулась в воздухе и опала сквозь листву.

– Ну вот, отдельная тебе квартира.

– Теперь ведь всё одно. Отдельная... Да уж... А соседей-то сколько! – Дед показал вокруг. – Койка в общежитии, какая там отдельная...

– Да они тихие, – рассмеялся Слон.

– Кто ж их знает...

– Ладно. Давай, отец, залезай.

Старик затоптался на месте.

– Лезь, лезь, не бойсь. Мы профессионалы. Всё как надо сделаем. Поторопись, а то гвозди совсем заржавеют: под

дождь вчера попали. Вон ржа пошла, вишь?

Слон показал порыжевший гвоздь, другой рукой поднял молоток. Крепко затянувшись, бросил окурок на соседнюю могилу и сделал шаг в сторону Деда.

– Всё в порядке будет... – подтолкнул он старика к стоящему раскрытым гробу. – Давай, а то и сегодня осадки обещали. Как шарахнет, и нальет на твою постель, да и тебя замочит. У меня зонта-то нет над тобой держать.

Слон подозвал напарника. Дебеловатого вида парень, сидевший в стороне, поднялся, взял верёвки и подошёл ближе.

– Чего-то неохота... лезть... – дедовы чёрные лакированные туфли, надетые на него в первый и теперь уж, видимо, в последний раз за всё его земное существование, упирались в траву, забрызганную выбранной из могилы землей.

– Да ладно тебе, чего тянуть... К тому же обед скоро, жрать охота. Не порть аппетит, дед. Это только поначалу боязно. Свыкнешься потом...

– А ты откуда знаешь?

– Знать зачем? Представить можно. Лежишь себе, всем ты по фонарю, никто ничего не требует, не дёргает. Слушай, я прямо в зависть впадаю...

– Так может, махнёмся?..

Детина залился жеребцом и ещё ближе подтолкнул Деда ко гробу. Он набрал в левую ладонь побольше гвоздей, помахал молотком, зажатым в правой.

– Да, отсырели гвоздочки. Не обессудь, дед. Хотя, тебе-то

какая разница? Никто вас, ржавеющих, не увидит...

Слон снова засмеялся, но не зло, а даже немного сочувственно, с многоточием вздоха вместо точки молчания. Дед подошел ко гробу, провёл по его краю руками, осмотрел ладони и поморщился.

– Шкуркой не прошли, работнички.

– Много хочешь! Домовина твоя копеечнаяне дубовая. Так, на первое время... И чего это сынок твой поскупился? ,

– Небось, на Канары сильно потратился, – пробурчал Дед.

– Небось, – захихикал Слон. – А с другой стороны, сосна – оно к местной природе ближе. Да и знаешь, дед, оно и к лучшему. Было б из дуба, или бука, прознали бы какие любители резьбы по дереву, растащили бы твой дом на поделки, и все дела... Так что перетерпи уж.

Засопел вдруг Дед, отвернулся, поднёс рукав к глазам, промокнул им свои слезинки. Хотел и нос так же утереть, да вспомнил, что в дорогом костюме. Может, и платок для этой нужды в нём найдется?

Дед полез в один карман – не нашёл, в другой – тоже пусто, наконец, в третьем обнаружил... бумажник. Но в бумажнике ничего, кроме одной зелёного цвета бумажки с числом десять, не нашёл. Дед потёр её пальцами, решительно вытащил и вручил Слону.

– Ты уж постарайся, сынок, чтоб всё остальное хоть на совесть было. На вот тебе...

– О-о-о! – удивился Слон. – Привет из Нового Света! Это

откуда у тебя?

– С какого ещё света? Это мне сынок подарил, на поездку, а я тебе вот – сувенир на память.

– Чего-то мало он тебе на поездку выделил... – Слон повертел купюру. – Это точно, сувенир. На память. Был, мол, такой-растакой, а это всё, что от него осталось. Не, дед, на совесть не получится. Только на эту десятку.

Дед пошевелил бровями и, отвернувшись от мужиков, полез в тот карман, внутри которого показалась ему дырка, а под той дыркой... Он нащупал что-то упругое и продолговатое. Выдернул это из кармана, чуть вконец не изорвав подкладку, и увидел в руке своей рулончик из таких же, что и десятка, зелёного цвета бумажек, затянутый чёрной резинкой. На верхней бумажке нарисована была цифрами сотня.

Дед аккуратно вытащил верхнюю бумажку, обнаружив под ней такую же, но вторую тянуть не стал, а быстренько спрятал рулончик обратно, чтоб работяги не заметили. Смекнул он, что ежели такими бумажками пользуются в Новом Свете, так может и на Том Свете пригодится. «Странный костюм, – подумал он тут же. – Вроде как новый, а будто кто уже пользовался... Дырки в новом ведь не может быть... Или сынуля специально разодрал, для тайника как бы, чтоб мне с собой на Канары, и никто того не видел бы?»

– На вот, – протянул Дед сотню Слону. – Такая ещё есть. Вроде, поболее – два нуля.

– Ну, «два нуля» – это на нашей, а на этой – сто. Да-а-а,

угодил... Это уже на порядок выше. Чей портрет, знаешь?

И растянул бумажку перед Дедом.

– Откуда? Ненашенский же...

– И я не знаю. А давно пора бы выучить... Ещё есть? А то взял бы. Тебе уж не надо.

– Нету больше. Смотри сам. Может, ты чего найдешь...

Слон взял пустое портмоне, пошуровал там грязными пальцами. Отдал деду.

– Ну, нет так нет. И на том спасибо.

Спрятал дедовы купюры в карман брюк и подхватил старика под руки.

– Ноги вытри. В новый дом всё-такиходишь. Стряхни прах земной.

– Обо что?

Слон покрутил головой. Тряпок поблизости никаких не было. Всё так же молча стоял дебеливатый парень с верёвками, дожидаясь, когда понадобится.

– Эй, бросай сюда, – Слон указал на землю перед дедовыми туфлями.

Верёвки хлестанули Деду по коленям и шмякнулись точно на мыски.

– Руки-то запачкаете потом, о прах земной.

– Ничего, перчатки наденем!

Поодаль зашелестела опавшая листва. Мужичок, ростом поменьше Деда, петлял между могил, иногда скашивая путь по заросшим холмикам, что были почти вровень с землёй.

– Эй, Слон! Чего копаешься? Уже все в сборе!

– Обед что ли?

– Здорово живёшь! Уж пять минут как. Глядишь, и ужин скоро... Чего у вас тут?

– Да дедок вот, боится. Уговаривал.

– Ты прям интеллект! Будь проще...

И он сделал несколько быстрых и резких движений рукой – взмахнул вверх, выпрямив ладонь, резко опустил её вниз, и «чпокнул» губами.

Дед испуганно посмотрел на Слона.

– Не, нельзя. У меня заказчик серьёзный. Если что не так – штрафанёт по полной.

– Да ведь не узнает...

И мужичок снова замахал руками, изображая закапывание ямы землёй.

– Не-не, не надо. Заказчик – такой тип... Захочет – докопается. В прямом и совершенно непосредственном смысле этого слова. Лучше по-хорошему. Мы уж договорились. Да, дедуль? Не подведешь?

– Слушай, давай кончай уже! Что за болтовня? – дергался маленький.

– Эх! – задумался Слон. – Тут же, если по-хорошему, на два нуля, то повозиться надо. А мужики рассердятся, что я долго, – горячее без меня стынет. Побьют ещё...

– Ха! Побьют! Да закопают враз!

– Ну и порядки у вас тут! – покачал головой Дед.

– Дедунь, не обидишься, если подождешь немного, а? Я тебе крышку после обеда прихвачу. Ну и всё остальное – тогда же соответственно. А ты пока полежи, попривыкай. Тебя здесь никто не тронет, не бойся... Ладушки?

– Чего-то с обедом вы припозднились.

– По ночам работаем, биоритмы сместились.

– Что ли работы много?

– Хватает. Мы ж по всей округе, а то и подале, если подвернётся. Так что на жизнь хватает, за что твоим, так сказать, коллегам спасибо большое и Царствия небесного.

Дед вздохнул, поскрёб подметками туфель по верёвкам и полез во гроб.

– Помоги-ка, – кивнул он махонькому.

Мужики подхватили Деда с обеих сторон, не грубо вовсе, а так, словно держали драгоценность невероятную, словно саму душу дедову подвели к переправе в мир иной.

Домовина пришлась впору, чуть с запасом даже.

– На вырост пойдет, – усмехнулся Дед, припомнив сына.

Вроде бы и пошутил, а голос ни капли не весёлый.

– Накинь-ка, – мужичок взялся за белое покрывало, – надеет.

– Не надо, – повел Дед рукой. – Я ещё не до конца помер.

– Дедунь, я тебя всё-таки прикрою, – отобрав покрывало у мужичка, наклонился Слон к Деду, – а то если там дождь, или ещё чего... Не упрямясь...

Дед закрыл глаза и замолк.

Слон аккуратно, до плеч, расстелил белую тряпицу поверх стариковского тела.

– Давай, – прошептал он дебелинскому.

Они подняли крышку гроба, посмотрели на Деда и устроили её на полагающееся место...

– До свидания! – послышался из-под крышки то ли ему, то ли печалью приглушённый, старческий голосок.

– Да уж когда-нибудь свидимся, это точно! – заржал махонький.

– Нехорошо, Михалыч, над старостью смеяться. Сам такой скоро будешь, коли доживёшь, – сказал Слон махонькому и постучал кулаком по гробу. – Дедунь, мы пошли. Ну, в общем, договорились. Подождёшь, ладно?

– Да ладно, ладно, идите уже...

– Идём...

Мужики отошли, но Слон вдруг вернулся и отодвинул крышку.

– Захочешь чего, потихоньку вылезай... Не свались только. Вон там, глянь, местечко хорошее для всяких надобностей. Вон, вон, глянь...

– Да ладно, разберусь... – проворчал старик, не поднимаясь с ложа.

– Я тебя не буду совсем закрывать, так оставлю... Может, и тебе горяченького прихватить? А то принесли бы...

– Да нет... Спасибо, ребята, заботливые вы...

– Ну, всё, ушли мы...

Дед лежал тихо, с закрытыми глазами, и чудилось ему, что спит он в деревянной своей младенческой люльке, выставленной во двор, и где-то вдалеке слышны голоса. Наверное, бабы у колодца... Ветер прошумел в изголовье, тут же стих на шепоток, выскользнув через дощатый край; и вот уже в соседнем дворе, обежав сад, сбросил несколько груш... Сон, не сон, но и впрямь обернуло Деда чем-то лёгким, невидимо-невесомым, и сам для себя он стал невесомым и несуществующим...

Лежал он так в своей «люльке», прикорнув от переживания и как бы отсутствуя в своём земном облиции. И было ему хорошо, потому что не чувствовал себя и не помнил ни о себе, ни о ком-то или чём-то ещё... И так бы он и дальше пребывал в удобном для его тела состоянии, иногда ощущая единственную мысль свою – «а не доехал ли я уже до Того Света?», но душа его, совершив лёгкую прогулку, мягко и не спеша возвратилась к своим земным обязанностям.

Поначалу услышал он странные голоса, возникшие из ниоткуда. Не были они ангельскими, но и на человечьи совсем не походили – то мелодичные и протяжные, а то резкие, неразборчивые... Приоткрыл Дед глаза. Сквозь щели между досок домовины точками да полосками пробивался яркий солнечный свет. На воле было тепло. Под чуть сдвинутую вбок крышку задувал лёгкий ветерок с нежным запахом недавно скошенной травы... Полоски света то и дело рвались пересекавшими их тенями. Нет, не ангелы это хлопота-

ли около дедовой домовины, и не люди, а всего лишь птички лесные пели на все голоса, весело по ней прыгая...

Снова скрежетнуло по доске, тень поболее других подтянулась к краю крышки и уплотнилась в чёрный длинный клюв. Лохматая воронья голова сунулась внутрь и заморгала чёрным глазом.

– Кша! – выпалил Дед.

Глаз, голова, клюв и следом тень тут же исчезли под шумные хлопки крыльев.

Дед кое-как отодвинул крышку ещё больше и посмотрел вверх. Он увидел над собой густо-голубое, в обрывках белых облаков, небо; взбаламученные ветром деревья, далёкими зелёными вершинами гоняющие птиц над лесом, и самих птиц, в быстром щебечущем полёте ловящих мошкару... И показалась ему эта картина необыкновенной, из рода тех необыкновенностей, что замечаются лишь в особенных состояниях, тоже называемых необыкновенными.

«А чего я лежу?» И правда, сколько ж можно лежать, когда спать совсем не хочется, а постель жёсткая и тесная? Чего в постелях-то валяться? Не привык он к валяниям таким. А тут ещё почувствовал, что приспичило. Оно, конечно, какая разница где, коли всё одно уже скоро, но достоинство Дед намерен был соблюдать до самого отхода своего, а при необходимости и после.

Потому вылез он из-под крышки, отошёл подальше, в угол, заросший кустарником и бурьяном. И пока соблюдал

он своё достоинство, подумалось ему: «А не приехал ли уже? Может, когда в домовине-то своей нежился, неким образом по другую сторону бытия оказался?» Кто ему скажет? И самому не определить, так как никто никогда не говорил ему, чем одна сторона от другой отличается. И сейчас вокруг – ни одной живой души, кроме множества птичьих. Если бы не было здесь ворон, и остальные птицы не ловили бы себе на пропитание живность летающую и ползающую, чтобы, сожрав одну козявку, тут же искать другую, Дед мог бы верить, что он уже в том, лучшем из миров. И хотя внутренне полагал себя всё ещё там, где и был, но так понравилась ему собственная фантазия, что и вправду задумался – может и не фантазия, а как раз верная догадка о самом что ни на есть реально с ним произошедшем? А если так, пора бы и освоиться в новых условиях.

Дед вернулся, прикрыл домовину крышкой, чтоб, если это всё ещё тот мир, где ждут его Канары, не замочило в случае выпадения обещанных на сегодня осадков, и пошёл погулять по кладбищу, для начала с «соседями» познакомиться. Соседи были почти все из друзей, родственников, приятелей или просто известных Деду личностей, так что нужды в знакомствах не оказалось. Незаметно как вышел он на окраину леска, в котором находилось кладбище, и остановился. В невидимом отсюда далеке, через поля, лежавшие на трёх холмах, через две соседние деревни, была и его.

Вот тут Дед и понял, что никуда он не переселился. По-

тому что, словно внезапно родившийся ураган, налетела на него со стороны родного дома тоска, и принялась тащить за собой через три холма и две деревни. И пожить опять захотелось, ну хотя бы на то время, чтобы дойти до дома своего, увидеть его напоследок, а то и прихватить что с собой на память. «Чего мне теперь бояться, если я на том всё-таки свете? А на этом уж точно ничего не страшно... А-а-а! На том, на этом, пойду, прошвырнусь. Хуже точно не будет... А может, приснилось мне всё? – занаялся вдруг Дед. – Спьяну-то что только не бывает?»

Он прислушался к происходящему внутри своего организма – вдруг чего да и подскажет о произошедшем? Болела голова, и тело ныло. «Да, погулял я на славу...», – вспомнил Дед и рассольчик на кухне, и поварих, и взгляд сына... А дальше? Как же он сюда попал? Спросить что ли у кого? Вернуться и спросить. Да побоялся Дед не только возвращаться, но и оборачиваться даже. Вдруг, правда...

И, перекрестившись на искры позолоченных крестов стоящей вдалеке церкви, пошёл он подальше от этого сомнительного для его сознания места в сторону пыльной дороги.

Шёл Дед и думал: «Вот и умер вроде, и живой тут же... Всё сразу. Домой пойти? Ежели пойти, к вечеру вряд ли вернусь, как мужикам обещал... А зачем возвращаться, раз уже ушёл? Так что теперь? Ну, приду я в пустую избу... Коли я в раю, хлеба меня узорные ждуть будут, чистота, сияние, жратвы вдоволь и питие разное. И песни ангельские... мо-

жет быть... А может, и нет... А может, и не рай?.. А ежели я здесь ещё, так дома и жратвы никакой нет... К сестре тогда пойду... пушай кормит, раз я завещание на неё оставил. Заодно и сообщу об этом...».

Мимо пролетел стриж, ещё, ещё, чуть не задевая острыми крыльями дедову седую шевелюру. «Птицы небесные... Чего я мучаюсь, голову ломаю? Вот он я есть, чего ещё надо? Тоже летай себе, радуйся. Помер, не помер, какая разница? Всё одно – жизнь».

Дед остановился, проследил за носящимися по воздуху птицами. «Однако, низко летают. К дождю...». И вспомнил про гвозди...

В деревне, что ближе других окрестных деревень была к кладбищу и стояла на пути в его родную, находилась одна причина, из-за которой хотелось Деду обойти все её дома хоть с какой стороны. Но в его годах – какой ходок по перелескам вокруг да около?

Войдя в деревню под названием откровенно простым и безо всяких затей всё говорящим о её жителях – Умники, Дед пошёл осторожнее, стараясь не шуметь. Но ни пугать, ни пугаться было некого. «И где это все? На работах что ли?» – подумал Дед, и тут же из калитки большого дома вышла фигура, в которой не сразу признал он обличие мучившей его «причины» – своего заклятого врага Кольку Лукина. А признав, почувствовал, как к великому ужасу своему, несёт его по инерции прямо на него, и нет никакой возможности ни

остановиться, ни хотя бы свернуть. Парень оказался глаза-стее: в первую же секунду угадал в старике того, кем тот и был, и радостно бросился навстречу.

– Я так и знал, что наврали! Сказали, хоронят тебя, а я и не слышал, когда ты помер. Живой, значит?

Дед похолодел. Он почувствовал, как немеют пальцы рук, и лицо будто покрывается тонкой сеткой колючего инея. Что ж, не приснилось всё-таки?..

– Разве я на тот свет, с тобой не попрощавшись, отправлюсь? – пробурчал Дед, еле разнимая губы.

– А куда ж ты идёшь, раз не с того света?

– Куда иду – тебе интересу никакого нет. А что не по твоей дороге, это уж точно.

Дед насупился, отодвинул парня в сторону и пошёл дальше. Колька потоптался неуверенно и бросился за Дедом.

– Дед, ты на меня всё в обиде что ли?

Тот не отвечал.

– Да ладно, прости уж! – вдруг сказал не отстающий от Деда Колька. – Ненароком так вот и вправду помрёт кто из нас, а обида останется. Грехом отяготимся. Один – непрощённый, другой – непростивший.

Дед остановился.

– Да простил я тебя уже давно, отстань, ради Бога!

– Правда?! – воскликнул Колька радостно и, что особенно приятно было Деду, искренне. – Да я тоже вот всё думал, переживал: как же это мы всю жизнь в ссоре с тобой суще-

ствуем? Нельзя так...

Он шёл рядом с Дедом, размахивал руками и хватал его всё время за пиджак, отчего приходилось тому без конца поправлять то рукав, то плечи.

– Что ты меня всё цепляешь? – вконец рассердился Дед.

Но Колька вдруг остановился, отнял руку от дедова пиджака и сказал:

– Знаешь что? Бог мне тебя послал!

– Не ёрничай, нехристь! К тебе, кроме нечистого, разве кто пошлёт?

Дед оправил костюм и хотел дальше пойти, но Колька снова вцепился в его пиджак и ни в какое «дальше» не пускал.

– Какой ты нынче красавец! – твердо сказал Колька. – То, что надо...

– Кому «надо»? Тебе что ли? Опять издеваться надо мною задумываешь?

Дед уже пришёл немного в себя, и такая свалившаяся на него настырная агрессия начала вызывать в нём ответную. Но Колька вдруг скис... Дед выдернул рукав, встряхнулся...

– Нет, издеваться не буду. Что ты! – сказал Колька. – Хочу попросить тебя в одном деле помочь. Больше никому!

– Чего врешь? Отстань, мне идти надобно.

– Куда? Ты же покойник.

– Мало ли что про меня говорят.

– Да уже и не говорят, уже все точно знают. Ты к родичам своим сходи, они тебе растолкуют. А я тебе предлагаю рассла-

биться от всего этого происшествия и кусочек времени твоего загробного в настоящем раю провести. ...

– Чего-о-о-о?

– Пойдем со мною к Симаковым, там наши сегодня собираются...

– Так ваши, я-то здесь при чём?

– Генка, – Колька махнул в сторону дома, откуда только что вышел, и в который уже раз стал обходить Деда по кругу, – отказался, гад... Он зашился недавно, а и ну его! А ты прямо как с выставки – туфли лакированные, костюм фирменный... лицо такое... благородной сединой обрамлённое. Ты, дед, понимаешь хоть, что ты самый настоящий красавец?! При таком костюме! А туфли, туфли!

– Ну и что?

– Конечно, тебе-то всё равно. Тебя и нет как бы. Спросу с тебя никакого, да? А я один боюсь идти...

– Чего-о-о-о? – снова протянулось от Деда в сторону Кольки.

– Ей-богу... – прошептал парень.

И Деду показалось, что в глазах этого молодца, не пропустившего случая, чтобы не подтрунить над ним, зарождаются микроскопические совсем, но чистые и уже ярко блеснувшие первыми каплями роднички. Видел он у него такие же, когда лет пятнадцать назад, поймав у своих яблонь, держал того одной рукой за шкурку, а другой сжимал длинные стебли крапивы, не чувствуя от негодования, как раздирает ко-

любим жаром ладонь. Он давно уже понял, что именно в тот день, уже далёкого для всех Колькиного детства, сам себе создал врага. И враг этот, ставший задиристым, но весёлым и добрым парнем, имел для Деда один и очень большой недостаток – при каждом удобном случае портил он ему кровь.

Но теперь страх Дедов неожиданно для него самого изошёл в нечто себе противоположное.

– Разве ты чего боишься?! Вона, какой, всё ржал надо мной, стоило при тебе показаться. А? Так ведь?.. Дед понадобился? Теперича хороший стал?.. Дед-то?

Парень замялся и почувствовал, как начинает краснеть от напряжения, а может, даже и от стыда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.